

УДК 341.1/.8

ББК 67.91

DOI 10.22394/1682-2358-2018-5-115-122

D.V. Krasikov, Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the International Law Department, Saratov State Academy of Law

**THE INSTITUTE
OF CIRCUMSTANCES
PRECLUDING
WRONGFULNESS OF
CONDUCT
AND INTERNATIONAL
HUMAN RIGHTS
NORMS: PARAMETERS
OF INTERACTION**

The article deals with identifying and analysis of factors relevant for determining the parameters of interaction between the international institute of circumstances precluding wrongfulness of conduct and international human rights norms. It is concluded that the rules of the institute at hand could be applicable in relation to obligations guaranteed by those international human rights treaties that contain no derogation clauses, as well as by international customary law, taking into account the conditions concerning the content of these rules and key features of international human rights obligations.

Key words and word combinations: circumstances precluding wrongfulness of conduct, international human rights obligations, erga omnes obligations.

Д.В. Красиков, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии (email: k_intlaw@ssla.ru)

**ИНСТИТУТ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
ИСКЛЮЧАЮЩИХ
ПРОТИВОПРАВНОСТЬ
ДЕЯНИЯ, И НОРМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА:
ПАРАМЕТРЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ***

Аннотация. Исследуются факторы, определяющие параметры взаимодействия международно-правового института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, с нормами международного права о правах человека. Делается вывод о том, что нормы, образующие данный институт, могут применяться в отношении обязательств, гарантированных международными договорами о правах человека, не содержащими дерогационных положений, а также международными обычаями, с учетом условий, относящихся к содержанию таких норм и к особенностям международных обязательств по правам человека.

Ключевые слова и словосочетания: обстоятельства, исключающие противоправность деяния; международные обязательства по правам человека; обязательства erga omnes.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека».

Институт обстоятельств, исключающих противоправность деяния, представляет собой комплекс вторичных норм общего международного права, регулирующих отношения в сфере международной ответственности государств и международных организаций и определяющих условия освобождения их от ответственности за несоблюдение ими международных обязательств. Современное состояние процесса кодификации права международной ответственности отражено в подготовленных Комиссией международного права ООН Текстах проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. [1] (далее — Проекты статей 2001 г.) и Тексте проекта статей об ответственности международных организаций 2011 г. (далее — Проект статей 2011 г.) [2], где в качестве обстоятельств, исключающих противоправность деяния, закреплены согласие, самооборона, контрмеры, форс-мажор, бедствие и состояние необходимости.

Актуальность обращения к проблеме взаимодействия данного института и международно-правовых норм о правах человека обусловлена отсутствием в современной науке и практике международного права четких ориентиров относительно, с одной стороны, возможности исключения противоправности отступления государствами и международными организациями от международно-правовых обязательств по правам человека, а с другой — потенциала рассматриваемого института для содействия обеспечению прав человека. Как результат, например, дискуссия по поводу позиции, которую занял Конституционный Суд РФ в своем постановлении по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ [3], развивается, помимо прочего, в контексте одного из исключающих противоправность деяния обстоятельств — состояния необходимости [4, с. 126—128]. Реализация потенциала содействия обеспечению прав человека, который заложен в рассматриваемом институте, также сопряжена с определенными проблемами, о чем свидетельствует ряд арбитражных разбирательств в сфере международных инвестиционных отношений [5, р. 26—28].

Цель настоящей статьи — определение параметров взаимодействия международно-правового института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, с нормами международного права о правах человека. Задачами, поставленными для достижения данной цели, являются, во-первых, исследование особенностей правовой природы и содержания норм общего международного права об обстоятельствах, исключающих противоправность деяния, в качестве факторов, определяющих параметры образованного ими института с международными обязательствами в сфере прав человека; во-вторых, выявление и рассмотрение соответствующих факторов, относящихся к ключевым характеристическим чертам международных обязательств по правам человека и норм, закрепляющих эти обязательства.

К числу факторов, определяющих искомые параметры взаимодействия, относящихся к нормам института обстоятельств, исключающих противоправ-

ность деяния, следует отнести их универсальный характер, отсутствие у них признаков норм *jus cogens*, их принадлежность к институту вторичных норм, восприятие ими прав человека в качестве правового интереса, служащего критерием их применимости, наличие в отдельных нормах специальных гарантий, посвященных правам человека.

Фактор универсального характера обстоятельств, исключающих противоправность деяния, формирует основу для их взаимодействия с международными обязательствами в сфере прав человека. Во-первых, международно-правовые правила относительно исключения противоправности деяния являются нормами общего международного права [6, р. 535–567] (в науке встречается мнение, что они, во всяком случае, имеют значение доктринального источника и обладают потенциалом утверждения в позитивном обычном праве) [7, с. 246] и по умолчанию распространяют свое регулятивное воздействие на всю систему международных отношений. Эти нормы в целом не конкретизируют обязательства, отступление от которых не порождает отношений международно-правовой ответственности (исключение составляют отдельные содержащиеся в таких положениях условия), а, соответственно, являются потенциально применимыми в любой сфере международного права, в том числе в международном праве прав человека. Во-вторых, действие норм об исключении международной противоправности деяний государств и международных организаций не ограничено целями защиты ими каких-либо конкретных интересов (за исключением прямого указания в положении о бедствии), что свидетельствует о потенциальной пригодности этих норм для защиты любых правомерных интересов соответствующих субъектов международного права (с учетом специфики того или иного обстоятельства), в том числе интересов, относящихся к обеспечению прав человека.

В силу отсутствия у норм об исключении противоправности деяния характера норм *jus cogens* (то есть императивных норм общего международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом государств в целом как нормы, отклонение от которых недопустимо и которые могут быть изменены только последующими нормами общего международного права, носящими такой же характер [8, ст. 53]), государства и международные организации могут устанавливать в отношении тех или иных обязательств иные правила относительно исключения противоправности, чем предусмотрены нормами общего международного права. На это обстоятельство обращает внимание *ad hoc* Комитет, созданный на основании Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. [9], в рамках арбитражного разбирательства по делу *Sempra Energy International v. The Argentine Republic*. Применительно к условиям, относящимся к состоянию необходимости в качестве обстоятельства, исключающего противоправность деяния, он подчеркнул, что в отсутствие у обычно-правовой нормы, зафиксированной ст. 25 Проектов статей 2001 г., императивного характера, государства могут в договорном порядке установить иные требования к состоянию необходимости [10, § 197]. Данный вывод, среди прочего, стал основанием

для отмены *ad hoc* Комитетом решения, ранее вынесенного по данному делу арбитражным трибуналом. При этом, применение вторичных норм, относящихся к праву международной ответственности, может быть обусловлено нормами как первичными, так и вторичными, имеющими характер *lex specialis* [11]. Таким образом, нормы общего международного права, регулирующие исключение противоправности деяния, не препятствуют установлению государствами и международными организациями иных правил относительно правомерности и допустимости отступления от международных обязательств по правам человека.

Права человека и соблюдение гарантирующих их международно-правовых норм могут играть роль критериев применимости рассматриваемых норм об исключении противоправности деяния. Этой цели служит, во-первых, указание на существенный интерес международного сообщества в формулировке ст. 25 Проектов статей 2001 г. и ст. 25 Проекта статей 2011 г., исключающее допустимость ссылки государств и международных организаций на состояние необходимости в случае, если такому интересу наносится серьезный ущерб. Соответствующий интерес может состоять и в обеспечении прав человека, что подтверждается практикой Международного суда ООН [12, § 32]. Во-вторых, условием, общим для всех обстоятельств, исключающих противоправность деяния, является соблюдение норм *jus cogens*, что специально оговорено в ст. 26 Проектов статей 2001 г. и ст. 26 Проекта статей 2011 г. Данная категория норм включает также ряд гарантий прав человека [13] (среди них запрет геноцида, пыток, расовой дискриминации, право народа на самоопределение и др.).

Формулировки отдельных положений, отражающих общепризнанные в международном праве обстоятельства, исключающие противоправность деяния, содержат специальные гарантии, корреспондирующие интересам, состоящим в ограничении вмешательства в права человека и в их защите. Так, в Проектах статей 2001 г. специально подчеркивается, что контрмеры не могут затрагивать обязательств по защите основных прав человека (пп. *b* п. 1 ст. 50). Аналогичное положение содержится в ст. 53 Проекта статей 2011 г. Ограничение такого обстоятельства, как согласие, в соответствии со ст. 20 Проектов статей 2001 г. и ст. 20 Проекта статей 2011 г., условием об исключении противоправности в отношении выражающего согласие субъекта, по существу, исключает возможность злоупотребления данным правовым основанием в ущерб правам человека (в силу их *erga omnes* характера). Подобная гарантия, относящаяся к существенным интересам международного сообщества, ограничивает возможность ссылаться на состояние необходимости, требуя соблюдения должного баланса защищаемых интересов с одной стороны и, в том числе, прав человека — с другой.

Вторая группа факторов, определяющих параметры взаимодействия института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, и норм международного права прав человека как отрасли современного международного права, относится к числу особенностей правовой природы и правовых гарантий прав человека, признанных международным правом. Следует выделить на-

иболее значимые из них: невзаимный характер международных обязательств по правам человека, наличие принципа *erga omnes*, а также особенности правовых и институциональных средств их обеспечения.

Международные обязательства по правам человека, независимо от источника их закрепления (будь то двусторонний, региональный или универсальный международный договор или обычай), не имеют характерной для международных обязательств «классического типа» взаимной природы, и, хотя отдельные элементы взаимности в международных договорах о правах человека можно усмотреть, они все же не определяют природу гарантированных ими обязательств.

Международный суд ООН в решении по делу *Barcelona Traction* подчеркнул необходимость исходить из разграничения обязательств государств по отношению к международному сообществу в целом (обязательств *erga omnes*) и обязательств, возникающих по отношению к другому государству [12, § 33]. Как отметила Европейская комиссия по правам человека, цель, которую преследовали Высокие Договаривающиеся Стороны при заключении Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., состояла не в признании взаимных прав и обязанностей для достижения своих индивидуальных национальных интересов, а в установлении общего публичного порядка свободных демократий Европы с намерением охранять их общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права [14, р. 138]. В свою очередь, Межамериканский Суд по правам человека признал, что современные договоры о правах человека не являются многосторонними договорами традиционного типа, заключенными для осуществления взаимного обмена правами для взаимной выгоды государств-участников [15, § 29].

Данная логика используется отдельными учеными для обоснования полной неприменимости обстоятельств, исключающих международную противоправность деяний государств и международных организаций, к обязательствам по правам человека [16, р. 360]. Хотя подобная позиция представляется необоснованной (по крайней мере в той степени, в какой она основана лишь на невзаимной природе обязательств и поскольку охватывает весь комплекс рассматриваемых обстоятельств), следует признать, что рассматриваемая особенность природы обязательств в сфере прав человека, во-первых, ограничивает возможность исключения противоправности отступления от них, а, во-вторых, влияет на их потенциал содействия обеспечению прав человека.

Наиболее существенное значение для определения параметров взаимодействия института обстоятельств, исключающих международную противоправность деяния, и международных обязательств по правам человека имеет практика включения в международные договоры о правах человека ограничительных положений и дерогационных оговорок, которые, по существу, исключают возможность отступления от соответствующих договорных обязательств в условиях обстоятельств, признанных общим международным правом. Так, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. содержится положение об отступлении от содержащихся в ней обязательств в условиях войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации

(ст. 15); Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. содержит положение об отступлении от предусмотренных им обязательств в условиях «чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой» (ст. 4). Кроме того, формулировки положений о правах человека в этих и иных международных договорах в большинстве случаев содержат условия правомерного ограничения соответствующих прав. Вопрос о соотношении подобных ограничительных и дерогационных положений с нормами института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, является дискуссионным: в науке приводятся аргументы об исключительной роли первичных норм о дерогации и ограничениях в регулировании отступления от соответствующих договоров, встречаются мнения о *lex specialis* характере соответствующих положений договоров [17, р. 252]. Хотя недопустимость ссылки на исключающие противоправность обстоятельства для оправдания невыполнения обязательств по международным договорам, содержащим специальные дерогационные положения, в науке не оспаривается, можно обратить внимание на уклонение Международного Суда ООН от высказывания своей позиции в этом отношении. Так, в Консультативном заключении от 9 июля 2004 г., посвященном правовым последствиям строительства стены на оккупированной палестинской территории, Международный суд ООН поставил вопрос о том, применяются ли обычные нормы о состоянии необходимости в отношениях, урегулированных договорами, содержащими положения о дерогации, однако уклонился от ответа, ссылаясь на то, что в любом случае не соблюдаются условия, относящиеся к состоянию необходимости [18, р. 195].

Не все международные договоры о правах человека содержат положения о дерогации (таких положений нет, например, в Африканской Хартии прав человека и народов 1981 г. [19]). Можно ли считать, что это является свидетельством неприменимости к обязательствам, вытекающим из таких договоров, норм общего международного права относительно исключения противоправности? Специалисты справедливо полагают, что это не так [20, р. 470], поскольку оснований для вывода об обратном недостаточно. Таким образом, в отсутствие специальных или квалифицирующих норм международного договора, устанавливающих допустимость и режим правомерного отступления от его положений в различных чрезвычайных и иных ситуациях, противоправность отступления от соответствующих договорных обязательств теоретически может быть исключена в силу норм общего международного права (с учетом, однако, соблюдения содержащихся в них условий). Данный вывод в равной мере справедлив и в отношении тех международных обязательств по правам человека, которые возлагаются на государства и международные организации в силу международно-правовых обычаев.

Итак, параметры взаимодействия международно-правового института обстоятельств, исключающих противоправность деяния, с нормами международного права о правах человека определяются условиями применимости этих обстоятельств к отступлению от обязательств в сфере прав человека, а также наличием у данного института потенциала содействию обеспечению прав чело-

века. В силу своего универсального характера, нормы общего международного права об исключении противоправности деяния потенциально применимы в отношениях в сфере прав человека, однако отсутствие у этих норм императивного характера позволяет государствам и международным организациям в договорном порядке устанавливать иные правила относительно исключения противоправности отступления от тех или иных обязательств. Соответствующие правила могут носить первичный или вторичный характер. Если признать, что дерогационные положения, содержащиеся в международных договорах о правах человека, исключают применимость к обязательствам по таким договорам норм общего международного права об исключении противоправности, данные нормы могут применяться лишь к обязательствам по договорам, не содержащим такие положения, а также к обычно-правовым обязательствам по правам человека. При этом, применимость этих норм в рассматриваемой сфере определяется факторами, относящимися как к их содержанию, так и к особенностям международных обязательств в сфере прав человека.

Библиографический список

1. Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния: доклад Комиссии международного права (Сессия 53 (23 апреля – 1 июня; 2 июля – 10 августа 2001 г.)). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf
2. Текст проекта статей об ответственности международных организаций. URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp5.pdf>
3. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министрства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апр. 2016 г. №12-П // Российская газета. 2016. № 6963 (95).
4. *Кожеев Я.С.* Имплементация постановлений Европейского Суда по правам человека в контексте права международной ответственности // Международная конференция «Совершенствование национальных механизмов эффективной имплементации Европейской конвенции по правам человека». СПб., 2016.
5. *Peterson L.E.* Human rights and bilateral investment treaties: mapping the role of human rights law within investor-state arbitration. Montreal, 2009.
6. *Bordin F.L.* Reflections of customary international law: the authority of codification conventions and ILC Draft articles in international law // International & Comparative Law Quarterly. 2014. Vol. 63, Is. 3.
7. Международное право: учебник для бакалавров / под ред. Р.М. Валеева, Г.И. Курдюкова. М., 2017.
8. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
9. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. II. Нью-Йорк, 1973.
10. ICSID. *Sempra Energy International v. The Argentine Republic*. Case No. ARB/02/16. Decision of 29 June 2010 on the Argentine Republic's Application for Annulment of the Award. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0776.pdf>

11. International Law Commission. Third report on State responsibility, by Mr. James Crawford, Special Rapporteur. Document A/CN.4/507 and Add.1–4. URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_507.pdf
12. International Court of Justice. Case concerning The Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain). Second phase. Judgment of 5 February 1970. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf>
13. Липкина Н.Н. Некоторые проблемы правовой природы норм *jus cogens* в современном международном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. С. 146–150.
14. European Commission of Human Rights. Austria v. Italy. Application No. 788/60. Decision of 11 January 1961. URL: <https://hudoc.echr.coe.int>
15. Inter-American Court of Human Rights. The Effect of Reservations on the Entry into Force of the American Convention on Human Rights (Arts. 74 and 75). Advisory Opinion OC-2/82 of September 24, 1982. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_02_ing.pdf
16. Otto R. Targeted Killings and International Law: With Special Regard to Human Rights and International Humanitarian Law. Berlin, 2011.
17. Desierto D.A. Necessity and National Emergency Clauses: Sovereignty in Modern Treaty Interpretation. Leiden, 2012.
18. International Court of Justice. Legal consequences of the construction of a wall in the occupied Palestinian territory. Advisory opinion of 9 July 2004. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/131/131-20040709-ADV-01-00-EN.pdf>
19. African Charter on Human and Peoples' Rights (concluded at Nairobi on 27 June 1981) // United Nations Treaty Series. 1988. Vol. 1520. I-26363.
20. Ougergouz F. The African charter on human and people's rights: a comprehensive agenda for human dignity and sustainable democracy in Africa. The Hague, 2003.